

Архив Густава Шпета как феномен культурно-исторической психологии

Предисловие к публикации статьи Г.Г. Шпета «Искусство как вид знания»*

Т.Г. Щедрина

доктор философских наук, доцент Московского педагогического государственного университета

Густав Густавович Шпет (1879–1937) — выдающийся русский философ, психолог, теоретик культуры. Он стоял у истоков культурно-исторической психологии в России. Его опубликованные труды по философским проблемам психологии широко известны среди ученых-психологов. Как и многие его современники, Шпет не успел высказать и опубликовать многие свои идеи в силу объективных причин. Тем интереснее посмотреть на его архив, в котором сохранились наброски, планы и неоконченные статьи по проблемам философии слова и методологическим проблемам гуманитарных наук. Предлагаемая реконструкция его доклада «Искусство как вид знания» (1926) содержит актуальные идеи по проблемам исследования культурно-исторических феноменов (искусства, литературы, поэзии, творчества), которые могут служить своеобразным камертоном в дискуссиях современных гуманитариев.

В предисловии Т.Г. Щедринной основные концептуальные установки Г.Г. Шпета актуализируются с учетом духовно-исторической ситуации 20-х гг. XX в. и уточняются специфические особенности реконструкции архивного текста, его отличие от публикации.

Ключевые слова: культурно-исторический подход, искусство, культурное сознание, философия слова, внутренняя форма слова, самопознание, переживание, понимание, архив эпохи, историко-философская реконструкция.

Искусство — это самый притягательный и самый противоречивый из всех феноменов человеческого духа. В нем соединяются фундаментальность и сиюминутность; стремление к созданию образов, обладающих исторической устойчивостью, и «постоянно обновляющееся и действенное присутствие духовных энергий» [1, с. 241]. Именно поэтому для понимания и исследования искусства, как ни для одного из феноменов духа, необходимо обращение к истории. Она не только хранит возможности для понимания традиционных смыслов искусства, но и побуждает к созданию оригинальных художественных форм. Может быть, культурно-исторический способ исследования феноменов искусства и родился из этого ощущения потребности в истории, ткань которой составляют причудливо переплетенные нити интерпретаций самих произведений искусства и методологии искусствознания.

Этот исторический узор мы постигаем не только благодаря анализу опубликованных трудов философов, историков, но и *архиву* — корпусу рукописных текстов, находящихся в государственных и личных архивах, а также кроме подготовленных к публикации рукописей научного и философского характера, сохраняющему планы, конспекты, черновики, эпистолярное наследие. Вместе с тем следует иметь в виду, что это не просто документы по поводу опубликованных авторских текстов. На этот архив можно посмотреть и как на сферу, где идеи рождались. Я называю такое рассмотрение архива как особого тематического контекста *архивом эпохи*.

Архив эпохи — это своего рода культурно-историческое перекрестье, на котором вступают во взаимодействие фундаментальное и сиюминутное. Исследование архива эпохи — это не только поиск исторической «правды». Понимая *Слово*, посланное историей, человек встречается с самим собой и постигает дух своего времени. Я думаю, что именно на этом перекрестье фундаментальности и сиюминутности культурно-историческая психология утверждает себя как научная традиция. В этом контексте особую важность и своевременность приобретает архивный текст доклада «Искусство как вид знания», прочитанный Густавом Шпетом в ГАХНе в 1926 г.

Дело в том, что традиция культурно-исторического подхода, связанная с именем Л.С. Выготского, довольно широка и таит в себе множество интерпретаций. «Психологи говорят о культурно-исторической психологии то как о науке будущего, как о цели и мечте, то как о науке прошлого, то как о становящейся науке, что характерно для любой живой науки» [5, с. 4]. Культурно-исторический принцип ориентирует ученых-гуманитариев в достаточно широком исследовательском диапазоне. В нем могут работать и те, кто реконструирует сегодня культурную историю психологической науки, и те, кто занимается анализом основных понятий, с помощью которых психологи в разные эпохи осмысливали изменения психики, ее культурно-историческую эволюцию.

Идейное содержание текста доклада Г.Г. Шпета представляет реальный научный интерес и для иссле-

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 06-06-80256а).

дователей, работающих в самых широких сферах профессиональной гуманитаристики: философов, историков, культурологов, филологов и др. Доклад интересен и в интеллектуальном, и в экзистенциальном смысле, и эпистемологически (как феномен архива эпохи), и содержательно (как феномен методологии культурно-исторического подхода). Поэтому, на мой взгляд, перспективно осуществить историко-философскую реконструкцию этого текста, включая его одновременно и в коммуникативную реальность шпетовского времени (в его сферу интеллектуального общения), и в контекст современных научных и философских исследований. Тем самым нам открываются возможности самых неожиданных поворотов в интерпретации опубликованных текстов Г.Г. Шпета, новые горизонты «разговора» с ним, позволяющие эксплицитировать семиотическую сферу русского интеллектуального общения («сферу разговора»*) начала XX в. Более того, осмысление идейного содержания этого доклада в контексте современных социально-гуманитарных исследований способствует актуализации тех идей Г.Г. Шпета, которые реально не были услышаны его современниками, выбравшими иной путь решения научных и философских проблем.

Вот почему нам так важно сегодня понять ту духовную атмосферу, в которой этот текст создавался. В Советской России 20-х гг., — вспоминал современник Г.Г. Шпета Ф.А. Степун, — «еще горела напряженная духовная жизнь <...>, литературные и религиозно-философские круги <...> еще держались вместе, а частично даже пытались отстоять себя и свой мир в новой обстановке. Ставя на футуристов как на разрушителей буржуазной эстетики и глашатаев новой революционной культуры, власть инстинктивно понимала, что футуристы в учителя и педагоги не годятся. Создав в столицах очаги пролетарской культуры, так называемые «пролеткульты», она пригласила потому в качестве преподавателей лучших поэтов предшествующей эпохи. <...> «Принявшие» по-своему революцию поэты-символисты жили в какой-то иллюзии свободы творчества» [7, с. 506—507]. Г.Г. Шпет выступил с докладом в 1926 г., уже на излете этой «богатой духовной жизни». Он принял революцию не как политический акт, но как акт философско-исторический, в котором, как он полагал, возможно Возрождение *русского культурного сознания*. Может быть, именно поэтому все его работы 20-х гг. посвящены в той или иной мере культурно-исторической проблематике. Хотя в его письменном лексиконе слово «культурно-исторический» не появилось ни разу, он не уставал повторять о значении «культурного сознания» и о его историческом постижении. Ведь только в культуре, по мысли Г.Г. Шпета, человек становится свободной личностью. В этой атмосфере поиска исторических оснований для формирования Нового чело-

века (так, например, формулировали цель своей деятельности молодые конструктивисты [8]), человека советского времени Шпет обращается к методологическим основаниям культурно-исторического подхода. Точнее, он *осуществляет* культурно-исторический подход к осмыслению феномена искусства.

Методологический подход Г.Г. Шпета можно интерпретировать как стремление к рационализации феноменов искусства, причем к рационализации конкретно-исторической. Особое значение здесь приобретает трактовка искусства как особого вида знания, поскольку оно может быть не только объективировано в словесной форме, но через него и в нем знание дается как «*само бытие*», причем «бытие как такое, *культурное бытие*»**.

Именно придание искусству как знанию онтологического статуса и обуславливает тот вопрос, который задает Г.Г. Шпет в самом начале статьи и обозначает его как ключевую методологическую проблему: «В каком смысле искусство является видом знания?». Это означает фактически, что Шпет ищет аспект, в котором искусство является формой знания. Он обращается к искусству как культурно-историческому феномену, выполняющему определенные функции. Вопрос: «В каком смысле...?» может быть интерпретирован как вопрос о культурном контексте: «В каких условиях искусство функционирует в культуре как вид знания?». Поэтому Шпет обращается к анализу проблематики, которая впоследствии образовала, в той или иной мере, тематическую сферу культурно-исторической психологии***. Шпет очерчивает поле исследований, предполагающих постановку вопроса о культурных детерминантах, смысле, значении, словесном творчестве, т. е. того объективированного культурного слоя, в котором человек становится человеком. И при этом он отчетливо понимает, что искусство, наука, философия, литература функционируют в культуре как специфические феномены. Когда мы задаем вопрос о смысле любого из этих феноменов, это означает, что мы выстраиваем некоторую структуру социального мира — мира культуры — с учетом конкретного контекста их функционирования.

Вот почему, я полагаю, что на текст шпетовского доклада можно посмотреть и как на само явление культуры, как на определенный этап в развитии понятий, с помощью которых человек осмысливает свой духовный, интеллектуальный, культурный опыт. И в этом случае мы просто должны воспринимать этот текст Г.Г. Шпета не сам по себе, но в контексте его опубликованных трудов, в контексте его культурно-исторической концепции, которая конкретизируется и уточняется благодаря существованию архива эпохи.

Анализ архива эпохи позволяет нам сегодня *писать историю* русской психологической мысли, т. е.

* О «сфере разговора» в русской философии см.: [13, с. 106—118].

** Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Настоящая публикация.

*** Л.С. Выготский — родоначальник культурно-исторической психологии — слушал в свое время лекции Г.Г. Шпета, подхватил его философские идеи о смысле, значении, слове как архетипе культуры и развил их уже применительно к психологической проблематике в «Психологии искусства» и в «Мышлении и речи».

рассматривать ее не как линейную, магистральную конструкцию с авторами (точками) на ней, но представить ее в виде множества концентрических кругов, переплетающихся нитей, составляющих ткань культурно-исторического бытия, которая ткалась усилиями русских ученых и философов. Такой подход к истории русской психологической мысли актуален еще и потому, что он позволяет сохранить звучащий в истории отдельный голос каждого ученого, как конкретного персонажа, не навязывая внешнюю (как правило, схематическую) позицию каждому из них, но исследуя ее как одну из неосуществившихся возможностей психологической науки.

***

В заключение несколько слов о методе работы с рукописью. Черновик доклада Г.Г. Шпета восстановлен в соответствии с методологической стратегией рациональной реконструкции, отличающейся от принятых правил публикации архивного текста. Черновик — это текст особого рода, поэтому он предполагает не публикацию, нацеленную на сохранение «буквы» черновика-подлинника, но его рациональную реконструкцию. Метод рациональной реконструкции можно определить как своеобразное, зачастую «техническое» «достраивание» авторского черновика (восстановление цитат, уточнение ссылок, нахождение цитат, которые автор хотел, но не успел вписать, и т. д.), т. е. последовательное осуществление авторского философско-гуманитарного проекта, содержащегося в архивных фондах. Методоло-

гический вопрос позволяет осознать, что отсутствие готового подлинника и поиск необходимых границ представления знания о гуманитарной реальности (какой и является, например, представленный черновик доклада) — это фундаментальная философская и филологическая проблема. Поэтому исследователь, работающий с историей, снова и снова будет задаваться вопросом о границах своего подхода к историческому тексту, документу, «архиву эпохи».

Представленный текст — *реконструкция* статьи-этюда Г.Г. Шпета — публикуется впервые с сокращениями*. В основании реконструкции лежит текст рукописи, хранящейся в ОР РГБ. Ф. 718. К. 7. Ед. хр. 3. Сохранился также конспект доклада «Искусство как вид знания», прочитанного Г.Г. Шпетом в ГАХНе (См.: ОР РГБ. Ф. 718. К. 7. Ед. хр. 4)**.

В результате текстологического анализа обеих рукописей выяснилось, что они пересекаются. В процессе написания статьи Г.Г. Шпет постоянно отсылает к конспекту и наоборот. Поэтому в процессе реконструкции статьи-этюда я объединила два рукописных текста (статью-эюд и конспект) в один текст, следуя пометам Г.Г. Шпета на полях. Орфография и пунктуация по возможности сохранены. Квадратные и круглые скобки принадлежат Шпету. В угловых скобках раскрыты пропущенные слова и обозначены места сокращений текста доклада. Специальные сокращения Шпета, в силу их многочисленности, раскрыты без специальных указаний. Слова и фразы, подчеркнутые Шпетом один раз, выделены в тексте курсивом; подчеркнутые им дважды — курсивом и подчеркиванием.

---

* Полный текст реконструированной статьи-этюда Шпета будет опубликован в т. 4 Собрания сочинений Г.Г. Шпета (*Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры*) в издательстве «РОССПЭН» в 2007 г.

** Небольшая часть конспекта доклада — напечатанные на машинке страницы (ОР РГБ. Ф. 718. К. 7. Ед. хр. 4. Л. 13–15) были представлены как «тезисы» и опубликованы Т.Д. Марцинковской. См.: [9], а затем они были републикованы в книге [2, с. 46–52].